

Ален КРИСТОЛЬ

СЫРДОН И ОДИССЕЙ*

1. Нартовский эпос и греческий эпос

Как показали В. И. Абаев и Ж. Дюмезиль, осетинский нартовский эпос содержит немалое количество элементов, общих с гомеровским эпосом. Эти пересечения объясняются, прежде всего, общим для обоих народов индоевропейским наследием, к которому относится и функциональный конфликт (*ниже*, 2.).

Однако прочие соответствия было бы легче объяснить, если предположить длительное сосуществование протогреков и протоиранцев, которое, как представляется, подтверждается и лингвистическими данными¹. В этом случае можно было бы обосновать такие общие для осетин и греков инновации, как позднейшие переложения основополагающего конфликта (2.) и место, занимаемое Сырдоном и Одиссеем (3.-7.).

Следует также принимать во внимание, даже если их существование нелегко доказать, заимствования, осуществленные независимо друг от друга протогреками и скифами у эгео-кавказской цивилизации, существовавшей до прихода индоевропейцев. Вероятно, это относится к мотиву о сталкивающихся скалах, преграждающих морской путь в волшебный мир; этот мотив появляется в легенде об аргонавтах и, менее явно, в *Одиссее*². Нартовский эпос сохранил его «земное» переложение (Нарты симд: НК 236 = ЛН 213).

Наконец, следует допустить существование блуждающих рассказов, относящихся к фольклорному фонду, принадлежность которого какому-то определенному народу трудно установить, например, мотив героя – пленника в пещере человекоподобного великана, которого он ослепляет и от которого затем убегает с помощью барана³.

* Перевод осуществлен доктором филологических наук профессором Камболовым Т. Т. с текста, представленного на Международной научной конференции по осетиноведению, посвященной 200-летию со дня рождения А. М. Шегрена (Владикавказ, 26-27 мая 1994 г.).

2. Основопологающий конфликт

Ж. Дюмезиль (1985: 16-29) показал трифункциональность канвы троянского конфликта; богини-покровительницы распределились следующим образом: I (Гера) и II (Афина) – за ахейцев, III (Афродита) – за троянцев; протеже Афродиты Парис сочетает в себе сладострастие, богатство и некоторую трусость в бою; он ведет себя так, как если бы он был одним из Боратӑ.⁴

Естественно, в памяти возникает хорошо известный индоевропейский мотив, мотив основополагающего конфликта: *асы* против *ванов*, *римляне* против *сабинян*. Но и в Риме, и в Германии этот конфликт завершается без победы – слиянием двух сторон, которое делает мир безопасным.

В нартовском эпосе существует конфликт между *Æхсæртæгкатӑ* («сильные») и *Боратӑ* («богатые»), но он не относится ни к мифологическому прошлому, ни к космогонии: он синхроничен и служит движущей силой драматургии эпического рассказа. Он располагается скорее не на заре мира (космогония), а в его конце; по крайней мере, он ведет героический мир к гибели.

Конфликт, служащий канвой для троянского цикла, также не обладает основополагающим характером. Как и в Осетии, он воспевает конец мира: герои Илиады относятся к последнему героическому поколению; среди выживших в троянской войне не много таких, кто без затруднений вновь достигнет своего царства; после возвращения ни они, ни их потомки уже не будут иметь случая снова совершить героические поступки.

Осетинскому и гомеровскому эпосам, таким образом, была известна тема функционального конфликта, но они не сохранили его космогонический аспект. Этим они выделяются в индоевропейском сообществе⁵.

Другой общий элемент двух эпосов – отсутствие первой функции как идеологического понятия. *Алагатӑ*, которые должны были бы ее представлять, играют лишь незначительную роль⁶. В Греции же вообще ничто не позволяет утверждать о ее существовании, как если бы греки имели только частичный контакт с идеологией функций; им были известны трифункциональные рассказы, но они их включили в ансамбли, построенные по другим идеологическим моделям⁷.

3. От Сырдона к Одиссею

Одним из самых оригинальных персонажей осетинского эпоса является *Сырдон*, участник всех походов, способный придумать хитроумную уловку, чтобы выйти из любого, самого трудного положения, но так же готовый строить козни и своим спутникам или выставлять их в смешном свете; некоторых он даже приводит к гибели.

Одиссей также занимает особое место в когорте греческих героев Илиады. Он известен своими уловками, одна из которых позволила захватить Трои с помощью знаменитого деревянного коня. Даже его внешний вид выделяет его среди ахейцев (*Ил.* 3, 210-211):

Στάντων μὲν Μενελαὸς ὑπεῖρεχεν εὐρέας ὤμους
ἀμφὸ δ' ἔζομένῳ γεραιώτερος ἦεν Ὀδυσσεύς.
*Стоя, плечами широкими, царь Менелай отличался.
Сидя же вместе, взрачнее был Одиссей благородный.*

Мысль о близости образов Одиссея и Сырдона уже высказывалась⁸. На первый взгляд, подобное сопоставление сталкивается с определенным препятствием: Одиссей является в *Илиаде* и еще больше в *Одиссее* героем положительным, вызывающим симпатию, верным своим соратникам. Таким образом, в этом он отличается от Сырдона. Однако многие черты Одиссея вступают в противоречие с этим оптимистическим видением его образа. Они наводят на мысль о существовании древнего, более беспокойного персонажа, характер которого попытались приукрасить многочисленные поколения аэдов.

4. Рождение

4.1. Сырдон

Сырдон – кавдæсард, «рожденный в яслях», т.е. незаконнорожденный сын. Существуют различные версии его рождения, мотивы которых заимствованы из описаний рождения других героев, Сослана или Сатаны (Dumézil 1986: 138-140). Его отцом является то пастух (*Сосæгæлдар*), то речное божество (*Гæтæг*), то Дьявол. Отсутствие особой оригинальности и эти колебания убедительно объясняются, поскольку древние версии ничего не говорят о рождении Сырдона.

4.2. Одиссей

Одиссей родился на краю ахейского мира, на острове, полностью обязанном своей славой герою Трои. Местонахождение его остается не установленным. Ни его мать, ни отец не являются персонажами, известными своими мифологическими подвигами или хотя бы божественным происхождением. Более того, Лаэрт, проживший еще 20 лет после возвращения Одиссея, должен был быть во время отъезда сына в Трои достаточно молодым, чтобы править царством; не являются ли эта бездеятельность и страсть старого Лаэрта к огородничеству признаками неаристократического происхождения?

5. Роль материнской линии

5.1. Сырдон

Матерью Сырдона выступает то Дзерасса (НК 153 = ЛН 151), убогая мать Сатаны, то сама Сатана (Loki 139), но речь идет о непрямом материнстве, поскольку при виде ее красоты какой-то мужчина оплодотворяет камень, из которого рождается Сырдон; мотив оплодотворения камня встречается и при описании рождения Сослана (ЛН 69). Это сходство объясняет тесные связи, которые объединяют двух героев, и ту враждебность, которая их противопоставляет.

5.2. Одиссей

Мать Одиссея, Антикля, довольно бесцветный персонаж, в то время как облик его деда по матери более четко выделяется своим очень далеким от героического идеала поведением (Stanford 1963: 8-24):

Od. 19, 395-396: ἀνθρώπους ἐχέχαστο/χλεπτοσύνη θ' ὀρχῶ τε
(Автоликона, по матери деда), славного хитрым притворством
и клятв нарушениим.

Эти свойства являются даром его бога-покровителя, Гермеса.

Таким образом, Одиссей – неблагородного происхождения; возможно, первоначально он считался внебрачным сыном (Stanford 1963: 12). Он выделяется даже своим внешним видом (II. 3, 193-194 цит. выше.), «есть что-то немного неаристократического или, по крайней мере, неахейского в этом портрете» (Stanford 1963: 67).

5.3. Образ матери и хитрость

Для Сырдона, как и для Одиссея, линия отца не играет никакой роли; их отличительные черты перешли к ним по материнской линии, идет ли речь о деде, известном своими кознями и дурными нравами, или о приемной матери Сатане, чей магический дар и ум часто выручают нартов. В роли Сатаны у Гомера выступает Афина, которая сопровождает и защищает Одиссея с момента его отплытия в Трою и до возвращения на Итаку⁹.

Таким образом, Одиссей и Сырдон противопоставляются другим героям, которые определяются по отцу.

6. Жилища

6.1. Сырдон

У Сырдона дом находится под землей (*зæххы бын хæдзар*, НК 166), в никому не известном месте, где живут также его жена и дети¹⁰, но у него есть и другой дом, на окраине селения (*хъæугæрон*), который дает ему возможность принимать участие во всех событиях селения: таким образом, он и в пространстве, и в обществе занимает периферийное положение.

6.2. Одиссей

Как и дом Сырдона на сельской околице, царство Одиссея находится на границе ахейского мира; для него не было места в огромных «микенских» дворцах. Следует добавить и его исчезновение на девять лет на краю света, на острове Калипсо; само имя Калипсо является говорящим (*αλλύπτειν* «прятать») и могло означать такое же, как и дом Сырдона, тайное жилище до того, как его начали интерпретировать как имя женщины, что естественно для эпической поэмы, которая также является поэмой о женских типах.

7. Перевоплощения

7.1. Сырдон

Сырдон, как и его германский аналог Локи, может принимать различные человеческие облики: старика, потом старухи (НК 102-103 = LH 99); он также способен превращаться в самые разные предметы: кучу золота, лисий хвост или старую шапку (НК 133-134 = LH 131)¹¹.

7.2. Одиссей

Одиссей проявляет доблесть, как в бою, так и в походах, и обладает талантами, которых нет у других героев; он является, по преимуществу, *человеком-оборотнем*.

Он способен выступать в роли различных персонажей, изменяя свою внешность сообразно ситуации: в этом он похож на Сырдона. Однако аэды донесли до нас рационалистическую версию этих превращений, видя в них действия Афины, в то время как Сырдон и Локи меняют свою внешность по собственной фантазии. При этом аэды затушевали то, что составляло индивидуальность Одиссея, и подчинили его, подобно другим людям, божественной воле¹².

В Греции каждый герой пользуется покровительством какого-нибудь бога, с которым он не обязательно должен быть связан родственными узами¹³. В нартовском эпосе описание происходит метафорически: герои не отличаются от своих божественных прототипов; это особенно четко проявляется в отношении Батраза, который является героическим отображением «скифского Ареса» (G. Dumézil *Romans* 19-90 = Скифы и нарты 13-70). Подобная идентичность вскрывается современным читателем, но остается неосознанной эпическим сказителем и не играет никакой драматической роли.

7.3. Одиссей и кабан

В то время как ахейских героев зачастую сравнивают со львом, Одиссея нередко уподобляют кабану (Schnapp-Gourbeillon 1981: 122); этот выбор подтверждает низкое происхождение Одиссея; кроме того, кабан – животное безлюдных мест, гор, доступных только для охотников, и именно он ранил Одиссея во время его инициации у Автоликона (*Od.*, 19, 430-466).

Соответствие между Одиссеем и кабаном подтверждается в Долонии, где противопоставляются Диомед-лев, Одиссей-кабан, выступающие за ахейцев, и Долон-волк, поддерживающий троянский лагерь. Прежде чем отправиться в этот ночной поход, Одиссей покрывает голову убором с кабаньими клыками, который когда-то принадлежал Автоликону (*Il.*, 10, 261-265); здесь опять проявляется связь между Одиссеем и его дедом по матери.

Трудно сказать, принимал ли действительно Одиссей в более ранних версиях облик кабана или выбор этого наряда только подчеркивает его социальный статус и его поведение.

Оружие Одиссея, лук, противопоставляется мечу Диомеда. Как известно, лук не принадлежит к самым благородным видам оружия; это оружие предателей (Пандар), шпионов (Долон), антигероев (Парис). У нартов лук служит для тренировок и игр; это не боевое оружие.

В этом вопросе сопоставление с Сырдоном затруднительно, так как он не является ни охотником, ни воином и, кажется, вообще не пользуется оружием. Запомним, однако, черты Одиссея, отличающие его от других ахейских героев.

8. Мнение соратников о Сырдоне и Одиссее

8.1. Сырдон

Отношение нартов к Сырдону неоднозначно.

Нартимæ нæ фидыдта, цыди съл сайдаей, æмæ йæ сæхуыддæг дæр сайдтой, фæлæ-иу æм кæд Нарт мæсты дæр сысты, уæддæр æй уарзгæ дæр бирæ кодтой. Сырдон уыдис зондджын æмæ мадзалджын нæртон лæг (НК 153).

Сырдон не ладил с нартами: часто он обманывал их, и иногда они мстили ему за это. Но, несмотря на свой гнев, они и любили его очень. Сырдон был умным и изобретательным нартом (LH 151).

Они пытаются избавиться от него или причинить ему вред (Loki 144-147), но не могут обойтись без его дара предвидения и его помощи (Loki 140; НК 159 = LH 156 etc.). Только Сослан однозначно враждебно настроен против него, и эту враждебность Сырдон сам всячески подпитывает.

При чтении текстов становится понятно, почему Сырдона нарты прозвали одновременно *Нарты фыдбылыз* «бедствие нартов» и *Нарты хин* «хитрость нартов».

8.2. Одиссей

Второй эпитет подошел бы и Одиссею, человеку «с тысячей трюков» (πολύτροπος), главным качеством которого является *дар перевоплощения*. Другие герои, восхищаясь хитростью Одиссея¹⁴, кажется, остерегаются его; отдельные их враждебные проявления не могут быть вызваны поведением Одиссея в *Илиаде*.

И, 4. 339. Агамемнон, проводя смотр ахейских войск:

«χαὶ σὺ χαχοῖσι χεχαμένε χερδαλέφρον»

«Также и ты (Одиссей), одаренный коварством, хитростей полный».

В *И*, 9, 312-313 Ахиллес, в ответ на речь Одиссея, призывающего к установлению согласия с Агамемноном, также говорит о своей ненависти к двуличным людям и, очевидно, подразумевает при этом Одиссея.

Наконец, как представляется, существовал вариант *Илиады*, в котором первый поединок был между Одиссеем и Ахиллесом (*Ов.* 8, 75), но он уже утрачен.

9. Позднейшее переложение и традиция

9.1. Сырдон и шаманизм

Представляется, что осетинский эпос остался верным древним повествовательным схемам, в частности, благодаря присутствию двойственного персонажа, одновременно необходимого из-за своих качеств и вредоносного своим свободомыслием и неуважением к героическому кодексу.

В. И. Абаев (1963: 1061-1062 = 1990: 354) настаивает на оппозиции двух принципов *тых* «сила» и *хин* «хитрость», олицетворенных в Сослане и Сырдоне; некоторые эпизоды нартовского эпоса должны были иметь в качестве первичной мотивации стремление напомнить о превосходстве *хин* над физической силой. Те, могущество которых покоится на *хин* (и магии – *каелæн*), являются представителями древних шаманов, в частности, Сырдон и Сатана.

Действительно, способность принимать облик животного, так же, как предвидение будущего и постижение мира, сближают Сырдона с шаманами, но не хватает главного, т.е. контакта с богом, самой функции шамана. Таким образом, речь может идти только о реминисценции, не существующей более в обществе, которое установило свои отношения с богом на новой основе. В этом случае шаман продолжает существовать в своем внешнем проявлении, немотивированно, как мифологический персонаж или даже как сказочный герой¹⁵.

9.2. Одиссей

Разрыв между отрицательным образом Одиссея и его героическим поведением в бою легко объясняется в том случае, если аэды хотели реабилитировать двойственный персонаж, сопоставимый с нартовским Сырдонем. Подобная реабилитация имеет место в развитии греческого мира; конец героического мира, память о котором стремится увековечить эпос, вызывает изменение шкалы ценностей; дар перевоплощения и риторика становятся большими ценностями, чем сила и уважение кодекса чести;

неслучайно поэт дорийской аристократии Пиндар настроен враждебно в отношении Одиссея.

В. И. Абаев (1963: 1069) видит в герое-шамане прототип и Сырдона, и Одиссея, поскольку хитрость тесно связана с магией.

Подобная гипотеза предполагает сложное развитие. В первой фазе происходит деградация персонажа шамана, связанная как с развитием понятия священного, так и с возвышением второй функции, которая поставляет одновременно и материал, и публику эпоса. Эта первая фаза должна была быть общей у протогреков и скифов. На втором этапе у греков происходит новая переоценка ценностей в ущерб военной аристократии.

В этом аспекте стремление к реабилитации Одиссея, четко проявляющееся в *Илиаде*, должно восприниматься как реакция на ценности второй функции, представители которой умирают под Троей или с трудом возвращаются домой.

10. Заключение

Сопоставительный анализ образов Одиссея и Сырдона позволяет восстановить персонаж, характеризующийся следующими чертами:

- неизвестный отец, или отцовская ветвь, принадлежащая к низкому социальному сословию;
- важность материнской линии, которой присущи хитрость и магия;
- проживание на краю населенного мира в тайном жилище;
- способность к перевоплощению в других людей или животных;
- двойное отношение к нему других героев, одновременно положительное, когда он помогает избегать опасности, и отрицательное, когда строит козни, которые могут их или выставить в смешном свете, или поставить их жизнь под угрозу.

Если эта картина полностью соответствует персонажу Сырдона, такому, каким он изображен в осетинском эпосе (Loki, 135-180), она не может быть приложена безоговорочно к Одиссею. Соответствие было бы полнее, если бы об Одиссее было известно только то, что о нем говорят Агамемнон или Ахиллес. Напротив, эта картина противоречит поведению царя Итаки, как в *Илиаде*, так и в *Одиссее*.

Греческий эпос и здесь, как и во многих других темах, вобрал в себя унаследованные повествовательные схемы, но аэды дали себе свободу при их переложении, которое привело к глубинным изменениям структуры всей системы и места каждого унаследованного элемента. Одиссей, как и другие герои – воин, со своими героическими качествами и слабо-

стями. Он обладает положительными чертами, живым умом и восхитительным красноречием. Аэды объясняют его успехи божественным покровительством; этим они обесценивают качества человека в пользу божества, в данном случае – Афины.

Итак, можно объяснить те трудности, с которыми мы столкнулись при сопоставлении: Сырдона следует сопоставлять не с тем Одиссеем, который нарисован у Гомера, а с его древним догомеровским прототипом, чья бледная тень иногда еще появляется в гомеровском эпосе, и при занятиях этой мифологической археологией можно основываться только на тех пассажах, которым удалось избежать позднейшего положительно-го переложения персонажа Одиссея.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Sergent (1979) приводит обзор исследований; см. также Sergent (1992: 43). О соответствиях в глагольной морфологии см. Birwe, 1956.

² Доступ в мир Цирцеи открывается или через скалы *Plankies*, через которые и проходят аргонавты, или через Харибду и Сциллу (*Od.* 12, 55–110); следует напомнить, что Цирцея была сестрой Ээта и дочерью Солнца (*Od.* 10, 135–139); Ээт также известен как царь Колхиды и отец Медеи.

³ *Odysee* IX (Ulysse et le Cyclope Polyphème) и НК 49 (Уырызмæг æмæ сохъыр уайыг = LH 57).

⁴ Dumézil 1985: 15–30, см. также Scott Littleton 1970: 232.

⁵ В Индии конфликт между Дэвом и Асурой, какой бы ни была его основа, имел особое развитие (ME 1, 173; 221).

⁶ Dumézil, ME 1, 462–466; *Romans* 204–211; Christol, 1992: 174.

⁷ В греческом эпосе трифункциональная идеология проявляется лишь в разрозненных фрагментах, в застывших мотивах (Scott Littleton 1970; Dumézil 1985: 13). В отличие от Рима, она никогда не существует как живая рамка, позволяющая структурировать мифические или исторические данные. Возможно, что гомеровским аэдам было чуждо подобное видение мира; наличие трифункциональности, таким образом, является показателем более глубокой древности и исключает собственно греческое переложение. Вне Осетии трифункциональная идеология на Кавказе является чуждым элементом; его наличие вскрывает индоевропейское влияние, вероятно, «скифское» (Charachidzé 1987: 11–18; о пантеоне сванов: 85–91).

⁸ Scott Littleton (1970: 243) ограничивается тем, что отмечает эту близость; интерпретацию В. И. Абаева. см. § 8.

⁹ Троянский Парис также пользуется постоянным покровительством богини, но речь идет об Афродите, а Парис является эпическим антигероем.

¹⁰ НК 165: «Раласта хъуджы æмæ йæ æскъæрдта, хидыхъус ын цы хæдзар уыдис, уырдаем. Сырдонæн уыцы хæдзар кæм уыд, уый ничи зыдта» (см. LH 161). (Сырдон вывел корову (Хæмыца) и погнал ее к дому, который был у него на краю моста (?). Никто не знал, где находился этот дом Сырдона) (LH 161).

¹¹ У германцев Локи реинкарнируется в различных животных, в частности, в кобылу, и производит на свет коня Слейпнира (LH 21).

¹² Следует отметить любопытный пассаж в описании церемонии погребения Патрокла, где Одиссей побеждает в бегах, поскольку его соперник Аякс, сын Ойлея, поскользнулся на коровьей лепешке (II, 23, 774-775). Виновница этого падения – Афина, которая таким образом выполняет просьбу Одиссея. Как представляется, и здесь аэды, должно быть, вмещали волю богов как промежуточное звено между желанием Одиссея и его реализацией. Сырдон же не нуждается в помощи богов, он знает, как осуществить свои желания.

¹³ Положение здесь отличается от Махабхараты, где божественное происхождение четко выделено: каждый герой обладает отличительными чертами своего божественного отца (Dumézil, *ME*, I, 53-207).

¹⁴ Диомед выбирает Одиссея для ночного похода в Долонию (II, 10: 247): «Так в нем обилён на вымыслы разум».

¹⁵ Таким образом объясняется легкость, с которой темы Ходжи Насредина были переняты для Сырдона.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. АБАЕВ В. И. «Le cheval de Troie – parallèles caucasiens». *Annales E.S.C.*, 18 (1963, 6), 1042-1070 (trad. fr. de G. Charachidzé).
2. АБАЕВ В. И. «Троянский конь». Избранные труды. I. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ: Ир, 1990. С. 326-368. (Русский текст предыдущей статьи).
3. BIRWE R. Griechische-arisches Sprachbeziehungen im Verbalsystem. Walldorf-Hessen, 1956.
4. BUFFIERE F. Les mythes d'Homère et la pensée grecque. Paris: Les Belles Lettres, 1956.
5. CHARACHIDZE G. Prométhée ou le Caucase. Paris: Flammarion, 1986.
6. CHARACHIDZE G. La mémoire indo-européenne du Caucase. Paris: Hachette, 1987.
7. CHRISTOL A. «Au Caucase: le banquet des Nartes», *La Sociabilité à table*. M. Aurell, O. Dumoulin, F. Thélamon ed., Rouen, P.U.R., 1992, 173-179.
8. DELCOURT M. «Tydée et Mélanippe». *Studi e materiali di Storia delle Religioni*, 37 (1966), 139-188.
9. DUMEZIL G. L'oubli de l'homme et l'honneur des dieux. Esquisses de mythologie, n. 51-75. Paris: Gallimard, 1985.

10. DUMEZIL G. см. LH, LN, Loki, ME, Romans, Скифы и нарты.
11. FRIEDRICH R. «The hybris of Odysseus». *The Journal of Hellenic Studies*. CXI (1991), 16-28.
12. HOMERE. *Iliade*, texte établi et traduit par A. Mazon. Paris 1937.
13. ГОМЕР. Илиада. Перевод П. Гнедича. Москва, 1978.
14. (Homère) *L'Odyssée, «poésie homérique»*, texte établi et traduit par V. Bérard, Paris, 1933.
15. ГОМЕР. Одиссея. Перевод В. Жуковского. М., 1978.
16. LH = G. Dumézil. *Le livre des Héros*. Paris: Gallimard, 1965 (частичный перевод Нарты Кадджытæ).
17. LN = G. DUMEZIL. *Légendes sur les Nartes*. Paris, 1930.
18. Loki = G. DUMEZIL. *Loki*. Paris: Gallimard, 1986.
19. ME = G. DUMEZIL. *Mythe et Épopée*, I. Paris, 1968.
20. Nagy G. *The best of Achaeans*. Baltimore/Londres. J. Hopkins Univ. Press, 1979.
21. Нарты. Осетинский героический эпос. М., I. (Кадджытæ / тексты), 1990. II. (перевод), 1989. III. (комментарии). 1991 [Les Nartes, épopée héroïque des Ossètes].
22. Нарты Кадджытæ. Дзæуджыхъæу, 1946 [Légendes sur les Nartes].
23. Romans = G. DUMEZIL, *Romans de Scythie et d'alentour*. Paris: Payot, 1978.
24. SCHNAPP-GOURBEILLON A. *Lions, héros, masques*. Paris: F. Maspéro, 1981.
25. Scott LITTLETON C. «Some possible Indo-European themes in the «Iliad». *Myth and law among the Indo-Europeans*, ed. by J. Puhvel. Berkley / Los-Angeles / London. Univ. of California Press, 1970, 229-246.
26. SERGENT B. «Les trois fonctions indo-européennes en Grèce ancienne: bilan critique». *Annales E. S. C* 1979, 1155-1186.
27. SERGENT B. «Caucasiens en Grèce». *Caucasologie et mythologie comparée*. C. Paris (ed.), SELAF n. 332, Paris: Peeters, 1992, 37-50.
28. Скифы и нарты = ДЮМЕЗИЛЬ Ж. Скифы и нарты. Сокращенный перевод с французского А. З. Алмазовой. М., 1990.
29. STANFORD W.B. *The Ulysses theme*. Oxford: B. Blackwell, 1963.